

Публикация и комментарии Л. Р. Ланского
"Литературное наследство", том 86
М., "Наука", 1973
OCR Бычков М. Н.

<С.-Петербург> 2 января 1873 г.

...Я поехал обедать к Александру Николаевичу Попову¹ <...> Я поделился с ним моей радостью, которую он принял очень к сердцу. Я прочел ему многое из первого номера "Гражданина" и, разумеется, прежде всего "Дневник писателя". Он остался очень довольным, но согласился со мною, что Достоевскому не следовало начинать с фарса, с Китая. Вторая же главка произвела на него впечатление, и он сказал, что Достоевский верно понял Герцена и прекрасно объяснил ему Белинского, которого он до сих пор не мог совсем понять ни по личным воспоминаниям, ни из "Воспоминаний" Тургенева <...>

В начале восьмого я простился и поехал к Достоевскому. Он живет далекомько: в Измайловском полку во 2-й роте. Я нашел дом No 14, прошел в ворота на большой двор и спросил -- мне указали отдельный флигелек. Я позвонил, сейчас же отворила горничная. "Дома Федор Михайлович?" -- "Дома-с".-- Я вошел по небольшой лестнице и сложил свое платье на какой-то сундук в передней. Просторно и чисто, но обстановка почти бедная. "Да вот и они сами",-- сказала горничная. Передо мною стоял Достоевский. Я назвал себя. Он сжал мне руку и посадил к своему столу, сказавши: "Ну, поговорим". Передо мною был человек небольшого роста, скорее плотный, чем худощавый, казавшийся моложе своих пятидесяти лет, с довольно длинною русою бородою, с большим лбом, у которого сильно поредели, но не поседели мягкие, тонкие волосы, с маленькими, светлыми карими глазами, с неправильной и совершенно простой физиономией, с тонкой, похожей несколько на восковую кожей, с почти постоянной добродушной улыбкой. Странное дело -- но он живо напомнил мне лица, мелькнувшие передо мною во время осмотра моего тюремных заведений, лица сектантов, лица скопцов. Решительно то же впечатление! В его лице столько простоты и добродушия, он так хорошо сказал мне: "Ну, поговорим", что моей постоянной конфузливости, смущения как не бывало. Я просидел у него два часа, говорили много -- и я, и он. Началось невольно с "Гражданина"; он хвалил Мещерского и находил в нем талант -- не может этот человек говорить не по убеждению... увидим. Он сказал, между прочим, что у него есть сюжет для повести, что он передал его Мещерскому и тот умоляет его написать для "Гражданина", но в таком случае это помешает "Дневнику" -- он сам не знает, на что решиться, и "продумает об этом всю ночь". Я отстаивал "Дневник", насколько такт допустил это. Боюсь я, боюсь страшно -- а вдруг он не выдержит с "Гражданином", вдруг ругань подлых газет раззадорит его, вызовет на полемику, доведет до болезненного состояния и т. д. А он наверное из таких, из раздражающихся, из порывистых. По поводу "Дневника" он заговорил о Белинском и сказал, что хотел побольше написать об нем, привести его собственные слова, но что не сделал этого <...>

Я пробовал защитить Белинского, упирая на то, что от слова до дела очень далеко, что у каждого человека бывают иногда быстролетные, самые чудовищные мысли, которые неизвестно как являются и сейчас же исчезают, и никогда не могут пройти в жизнь, и что есть такие люди, которые с напускным цинизмом любят похвастаться подобной дикой мыслью. Но Достоевский убежден, что Белинский, если сказал, то мог и сделать, что это была натура простая, цельная, несоставная, у которой слово и дело вместе. Он говорит, что теперь, в последнее время, много развелось подобных натур; сказал -- и сделал, застрелюсь -- и застрелился. Упаси господи от такой цельности! Трудно передать разговор наш -- как он переходил от одного к другому, касался многого и постоянно прерывался вопросами и ответами о нас самих. Когда он спросил меня, сколько мне лет и я ответил, что вчера исполнилось двадцать четыре года, он задумался: "Значит, вы родились 1 января 1849 года -- где я был тогда... В Перми... мы шли в Сибирь... да, это в Перми было"². Он рассказал, между прочим, об одном человеке, о *большом* для него человеке, в котором мирилась бездна противуречий, громадный ум и талант, не выразившийся ни одним писанным словом, умерший вместе с ним, кутеж и пьянство и пострижение в монахи; умирая, он сделал бог знает что; он был тоже в Сибири, на каторге; когда его выпустили, то из железа своих кандал он сделал себе кольцо, носил его постоянно и, умирая, *проглотил его*...-- Черта интересная. Тоже цельная